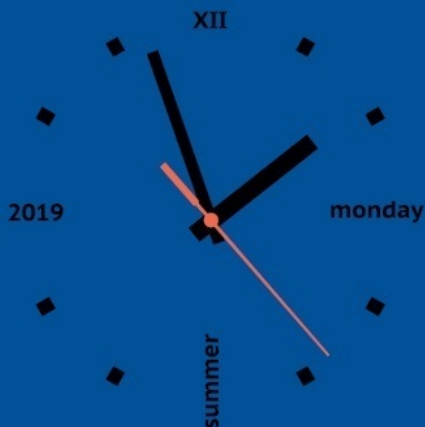

ДЖУДИ
ВАЙСМАН
ВРЕМЕНИ
В ОБРЕЗ
УСКОРЕНИЕ
ЖИЗНИ
ПРИ ЦИФРОВОМ
КАПИТАЛИЗМЕ

Джуди Вайсман
Времени в обрез.
Ускорение жизни при
цифровом капитализме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50401228

Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме:

ISBN 978-5-7749-1496-8

Аннотация

Большинство из нас жалуется, что в сутках недостаточно часов, а наши почтовые ящики переполнены электронными письмами. Это распространенное восприятие, что жизнь быстрее, чем была раньше, закрепилось в нашей культуре, а вину за это возлагают на смартфоны и интернет. Но разве не в этом главная цель смартфона – дать нам такой быстрый доступ к людям и информации, чтобы у нас появилось свободное время для других вещей?

Разве технологии не должны сделать нашу жизнь проще?

В своей книге «Времени в обрез» Джуди Вайсман объясняет, почему мы воспринимаем наш опыт взаимодействия с цифровыми технологиями как неумолимое ускорение повседневной жизни, а также утверждает, что мы не являемся простыми заложниками коммуникационных устройств,

а ощущение, что нам всегда куда-то нужно спешить, – следствие приоритетов и параметров, которые задаем мы сами, а не машины, которые помогают нам их устанавливать. Автор исследует, как различные группы в современных обществах по-разному использовали время, и показывает, как изменения в занятости, организации семьи и воспитании детей сказываются на восприятии времени.

В 2017 году книга была удостоена премии им. Людвига Флека, вручаемой Обществом социальных исследований науки.

Содержание

Предисловие	6
Выражение признательности	8
Введение	11
Чувство измотанности	19
Структура книги	23
Заключение	32
Глава 1	36
Ускоряющееся общество	42
Сетевое общество	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джуди Вайсман
Времени в обрез:
ускорение жизни при
цифровом капитализме

“Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism” by Judy Wajcman

Licensed by The University of Chicago Press, Chicago, Illinois, U.S.A

© 2015 by The University of Chicago. All rights reserved

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019

Предисловие

Давным-давно, в последнее лето перед поступлением в университет, мне довелось побывать в Папуа – Новой Гвинее, тогда еще находившейся под протекторатом Австралии. У меня был друг по переписке из приморской рыбацкой деревушки в часе неспешной езды на лодке от Лаэ. Я очень ярко помню эту поездку, поскольку мне казалось, что я попала в первобытный коммунизм, как называлось в то время утопическое естественное состояние сотрудничества между людьми.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс использовали это понятие применительно к ранней форме общества, где его члены делятся друг с другом всеми ресурсами и где отсутствует какая-либо иерархия. Впоследствии я прочла работу «Общество первоначального изобилия» антрополога Маршалла Салинза¹, который утверждал, что охотники-собиратели, практически не имеющие того, что мы называем техникой, почти все свое время отдыхают или предаются различным развлечениям, поскольку трех или четырех часов работы в день им хватает для удовлетворения своих потребностей.

¹ Marshall Sahlins, «The Original Affluent Society», in Marshall Sahlins, *Stone Age Economics* (Chicago: Aldine-Atherton, 1972), 1–37; Маршалл Салинз, «Общество первоначального изобилия», в: Маршалл Салинз, *Экономика каменного века* (Москва: ОГИ, 1999), 19–52.

В той деревушке меня донимали комары, но зато прямо с деревьев можно было срывать всевозможные тропические фрукты, в огородах росли таро и батат, а в море в изобилии водилась рыба. Условия жизни там были вполне первобытными: я спала на скамье рядом с группой девушек в женской хижине, где не имелось никакой возможности уединиться. Но зато там было сколько угодно времени. И нужно ли говорить, что там не было часов!

Помню, как однажды под Рождество мы целый день готовили кокосовое молоко. При всей моей юности и невежественности я предложила изменить метод отжима молока из кокосовой мякоти, который бы позволил ускорить этот процесс и повысить производительность. Молодые люди, вместе с которыми я работала, насмешливо посмотрели на меня и объяснили, что изготовление молока всегда отнимает весь день. Они никуда не спешили. Их не интересовало ускорение процесса: молоко готовят целый день – так было и так будет впредь. Сейчас, сорок лет спустя, во время работы над этой книгой о нехватке времени, я не могу понять, с какой стати я так настаивала на экономии времени, считая ее бесспорным благом. С тех пор мне стало ясно, что самые важные вещи в жизни невозможно обратить в числа, измерить, рассчитать или ускорить.

Выражение признательности

Любая книга опирается на прежние изыскания ее автора, и составление списка благодарностей с каждым новым проектом становится все труднее. На протяжении десятилетий уточнению моей точки зрения на рассматриваемые здесь предметы способствовали многие люди, и я не в состоянии назвать их всех по именам. Вообще же я благодарна Обществу социальных исследований науки за создание атмосферы, стимулирующей дискуссии, за его ежегодные конференции с многочисленными превосходными докладами и за самое великодушное международное сообщество ученых, о котором можно только мечтать.

Лондонская школа экономики и политических наук является идеальным интеллектуальным окружением для обществоведа. В ней я плодотворно обменивалась мнениями со своими коллегами и многое почерпнула от своих аспирантов. Я сожалею лишь о том, что вследствие безвременной смерти Дэйва Фрисби мне не удастся услышать от него новых соображений о Зиммеле. Аспиранты помогли мне в библиографических изысканиях, но мне бы хотелось особенно выделить прекрасную редактуру Деса Фицджеральда. Я благодарна Луизе Фишер за то пиршество духа, в которое ее усилиями превратилась работа на кафедре социологии, и Полу Гилрою, ознакомившему меня с некоторыми аспектами

цифровой культуры.

Во время творческого отпуска я пользовалась гостеприимством других университетов. Оксфордский институт интернета на протяжении последнего десятилетия стал для меня уютным домом, позволив обзавестись разнообразными связями. Замысел этой книги сложился у меня на семинарах по проблемам времени и техники, которые я вела вместе с Лесли Хэддоном. Я благодарна Биллу Даттону, первым оказавшему мне теплый прием, а также Дункану Галли и Джонатану Гершуни из колледжа Наффилд (Оксфорд), где я имела удовольствие на протяжении семестра быть приглашенным научным сотрудником. Еще один семестр я провела в Институте общественно значимых знаний при Нью-Йоркском университете благодаря возможности, предоставленной мне Крэйгом Кэлхуном, за что хочу сказать ему спасибо.

Интерес к изучению вопроса по использованию времени пробудился у меня под влиянием Майкла Биттмена; совместно с Полом Джонсом мы по рекомендации Австралийской академии общественных наук взялись за крупный исследовательский проект «Влияние сотовых телефонов на соотношение между работой и личной жизнью». Возможность заниматься этим проектом была предоставлена мне Научно-исследовательской школой общественных наук при Австралийском национальном институте, сотрудником которой я тогда являлась. Я благодарна им всем. Блестящие исследования в рамках проекта провела Эмили Роуз. Некото-

рые итоги этих исследований освещаются в 4-й и 6-й главах настоящей книги. Выражаю благодарность Полу за плодотворные беседы о взаимодействии между медийными исследованиями и научной работой в сфере науки и техники. Вынуждена отметить тот, вероятно, неизбежный факт, что цифровые технологии никак не ускорили работу над этой книгой. Заслуживает упоминания ряд старых и новых друзей, поддерживавших меня в этой работе: Линн Джеймисон, Дональд Маккензи, Люси Сачмен, Ингрид Эриксон, Марта Пун и Тони Гидденс. Надеюсь, что на некоторых страницах ощущается прекрасный стиль Дженни Эрл. И наконец, я с удовольствием выражаю признательность моему сыну Сэмюэлу Эрлу, у которого, похоже, никогда не бывает цейтнотов.

Введение

Инструменты времени

Судя по всему, время сегодня в большой цене. Многим людям кажется, что жизнь в наши дни течет быстрее, чем прежде. Мы слышим постоянные сетования на то, что мы живем слишком быстро, что нам не хватает времени, что темп жизни бесконтрольно ускоряется. Такие выражения, как «сверхскоростное общество», «общество ускорения», «дефицит времени» и «мир без тормозов», создают впечатление, что все больше аспектов нашей жизни претерпевают ускорение.

Эта озабоченность находит выражение в дискуссиях о соотношении между работой и личной жизнью, за которыми стоят попытки справиться с давлением со стороны современного общества и найти достаточно времени для работы, семейной жизни, досуга и даже для сна. В самом деле, в исследованиях, посвященных теме счастья и благосостояния, все чаще фигурирует желание замедлить темп жизни. Нехватка контроля над своим временем и неравный доступ к досугу выделяются в качестве важных аспектов социальной справедливости. Как резюмирует ведущий европейский социолог Хельга Новотны в своей классической книге «Время», современные граждане, чувствуя себя все более измо-

танными, не знают, как им «найти время для самих себя»².

Впрочем, погодите! Разве современные машины созданы не для того, чтобы экономить и тем самым высвободить время? Еще не так давно авторы, писавшие о постиндустриальном обществе, предсказывали «революцию досуга», которую принесет с собой автоматизация производства и быта. Экономический прогресс и рост процветания должны были освободить людей от забот о повседневном выживании и дать им больше времени для досуга. Социологи говорили о «конце работы» и не без озабоченности задавались вопросом, чем люди займут свои свободные часы.

Вместо этого широчайшее распространение получил символический образ иступленного человека, плененного новейшими технологиями и целиком зависимого от смартфонов и планшетов. Научные дискуссии о влиянии таких цифровых систем, как интернет и смартфоны, обычно подтверждают популярное представление о том, что техника ускоряет жизнь и усиливает нашу занятость. Считается, что стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий открывает совершенно новую эпоху человеческого существования. Складывается впечатление, что экспоненциальный рост производительности компьютеров, предсказываемый законом Мура, затрагивает все аспекты совре-

² Helga Nowotny, *Time: The Modern and Postmodern Experience* (Cambridge: Polity, 2005), 18.

менного общества³.

По мере распространения новой техники выясняется, что у нас не прибавляется времени для самих себя; собственно говоря, у многих из нас такого времени становится меньше. Как именно техника ускоряет темп повседневной жизни?

Почему она делает нас не более свободными, а более занятыми? Почему мы приобретаем цифровые устройства ради того, чтобы уменьшить дефицит времени, но обвиняем их в том, что они только усиливают его нехватку? Это ключевой парадокс, который я хочу рассмотреть в своей книге.

Современные модели использования времени едва ли можно представить без использования техники. Нам редко выпадает шанс жить без техники – она неразрывно вплетена в нашу жизнь, сопровождая нас от рождения до смерти: дома, в школе, при выполнении оплачиваемой работы и на отдыхе. В нашей жизни всегда присутствует техника – от простейших орудий до крупных технологических систем. Мы поручаем разные задачи техническим устройствам и делаем их посредниками при взаимодействии со все более сложными социальными сетями. И наши поступки, и само общество опираются на технику и диктуются ею.

Хотя социологи подчеркивают, что время – социально обусловленное понятие, формируемое коллективными рит-

³ В работе Гордона Мура (Gordon E. Moore, «Cramming More Components onto Integrated Circuits», *Electronics* 38, no. 8 (1965): 114–117) указывается, что число транзисторов, из которых состоят микросхемы, удваивается каждые два года.

мами взаимодействия людей с миром, к технике такой же подход применяется редко⁴. Техника слишком часто рассматривается вне ее связи с социальными взаимодействиями. Но если время невозможно отделить от коллективных ритмов, допущений и надежд, присутствующих в жизни людей, то в равной степени это невозможно и в отношении техники, которая во все большей степени оставляет свой отпечаток на времени и формирует его для нас. В прежние эпохи это различие, возможно, было несущественным, но в цифровой век оно становится по-настоящему важным. Например, тирания часов, последовательно отсчитывающих течение дня, играет принципиальную роль в описаниях ускоряющегося мира. Технические устройства словно воплощают в себе функциональные требования времени, недвусмысленно определяющие, каким образом мы пользуемся временем.

Если до сих пор мы чересчур поспешно принимали темпоральную логику, встроенную в нашу технику, не следует забывать, что неотъемлемым аспектом этой техники, подобно размеру экрана или мощности процессора, является и со-

⁴ Я не собираюсь давать обзор обширной литературы, посвященной философии времени. См., например, главу 7 книги Andrew Abbott, *Time Matters: On Theory and Method* (Chicago: University of Chicago Press, 2001), в которой автор, опираясь на Анри Бергсона, Джорджа Герберта Мида и Альфреда Норта Уайтхеда, выстраивает теорию темпоральности в ее социальных, процессуальных и реляционных аспектах. Иными словами, важны не скорость социальных изменений или то, что новые коммуникационные технологии ускоряют взаимодействие, а то, насколько быстро все это происходит *по отношению* к прочим вещам, какими они были прежде.

циальный характер времени. Возьмем, например, оптоволоконный кабель между Чикаго и Нью-Йорком. Если предыдущие кабели между двумя этими городами прокладывались вдоль железнодорожных линий, то новый кабель идет по кратчайшему возможному маршруту – для него даже был пробит туннель через Аллеганские горы. Это позволило сократить время передачи информации на 1,3 миллисекунды. Таким образом, «скорость» встроена непосредственно в систему: кабель прокладывался таким образом, чтобы ускорить передачу. Но его использование финансовыми трейдерами определяется отнюдь не техническими свойствами собственно кабеля, а структурой конкуренции между трейдерами⁵. Сама по себе техника не знает требований в отношении времени. Они встраиваются в устройства, которыми мы пользуемся, нашими слишком человеческими замыслами и желаниями.

Этот тезис лег в основу данной книги. Он позволяет нам отбросить прежние дихотомии, согласно которым техника по своей природе либо освобождает нас, либо порабощает. Мы уже должны были бы проникнуться скептицизмом в от-

⁵ Donald MacKenzie, Daniel Beunza, Yuval Milo, and Juan Pablo Pardo-Guerra, «Drilling through the Allegheny Mountains: Liquidity, Materiality and High-Frequency Trading,» *Journal of Cultural Economy* 5, no. 3(2012): 279–296. Например, трейдер, не пользующийся кабелем, рискует тем, что его ценовые котировки окажутся «несвежими» (то есть перестанут отражать колебания цен на широком рынке) и что эти «несвежие» котировки будут «сбиты» трейдерами, пользующимися новым, более быстрым кабелем.

ношении обеих крайностей: с одной стороны, мессианских обещаний новой эры, которую откроет нам техника, а с другой – решительного отказа от господства машин. Цифровой мир – не то же самое, что индустриальный мир, но в то же время у них есть много общего. Для того чтобы понять нашу нынешнюю одержимость скоростью, нам следует изучить *и то*, что осталось прежним, *и то*, что характерно только для нашей эпохи.

Для этого нам потребуется историческое чувство «новой» техники. Машины индустриальной эпохи диктовали людям новое восприятие времени так же, как они делают это сейчас. Однако учет влияния техники на время влечет за собой фиксацию на новейших гаджетах, в то время как старые добрые устройства настолько нам знакомы, что выпадают из поля зрения. Я собираюсь поставить под сомнение неявное противопоставление новейшей и давно существующей техники, необычного и банального. Имея это в виду, мы будем менее склонны видеть источник позитивных или негативных изменений в технике самой по себе.

Те свойства техники, которые мы обычно считаем ее неотъемлемыми чертами, порождаются нашими конкретными социальными практиками. Иными словами, техника входит в нашу жизнь и приобретает смысл лишь по мере того, как люди берут ее на вооружение и начинают использовать. Вместе с тем техника играет ключевую роль при формировании режимов времени, так как наше восприятие че-

ловеческих поступков и материального мира определяется ею. Наши представления о времени просто невозможно отделить от воплощенного в нас привычного взаимодействия с социо-материальным миром. Мир скрепляется как техникой, так и временем.

Соответственно, сквозной темой книги станет изучение совместной эволюции новой техники и темпоральных ритмов, то есть того, как они формируют друг друга. Вообще говоря, техника в ней будет рассматриваться с точки зрения *социальных влияний*: технологические изменения будут пониматься как непредзаданные и непредсказуемые, но определяемые целым спектром социальных, экономических и политических сил⁶. Авторы многих работ на данную тему изучают конструкцию или материальный характер конкретных технологий, но нас будет интересовать нечто иное. Признавая, что создатели техники закладывают в нее конкретные свойства и возможности, я утверждаю, что в развитии этой техники и ее использовании нет ничего предопределенного. Ее взаимоотношения со временем зависят от того, как технические устройства проникают и врастают в наши институты и шаблоны повседневной жизни – это относится к организациям, пользовательским культурам, производству и по-

⁶ Я говорю о «социальных влияниях» исключительно с целью донести до читателя идею о том, что как общество влияет на технику, так и техника влияет на общество. См.: Donald Mac-Kenzie and Judy Wajcman, eds., *The Social Shaping of Technology*, 2nd ed. (Milton Keynes, UK: Open University Press, 1999). Более подробный обзор STS будет приведен во второй половине главы 1.

треблению, семейной жизни, досугу и работе.

Чувство измотанности

Откуда в культуре берется такой сильный интерес к взаимоотношениям между цифровыми технологиями и темпом жизни? О том, что люди все сильнее ощущают субъективный дефицит времени, свидетельствует тот факт, что нехватку времени отмечает все большая доля населения. Например, многочисленные опросы показывают, что американцы чувствуют себя более замотанными, загнанными, издерганными и нуждающимися во времени, чем когда-либо прежде⁷. Также растет число психологических и психиатрических диагнозов, связанных с нехваткой времени. Факты, относящиеся к субъективному восприятию времени, свидетельствуют о том, что многие люди ощущают себя в повседневной жизни «задавленными временем» и «измотанными». Время, отведенное на досуг, тоже как будто бы используется все более интенсивно и становится все более дефицитным.

Однако соответствующие объективные факты далеко не однозначны. Более того, попытки определить, изменилось ли использование времени за последние несколько десятилетий, а если изменилось, то каким образом, вскрыли загадочное обстоятельство. Исследователи пришли к единодушному выводу, что времени на досуг у людей стало не мень-

⁷ См.: John Robinson and Geoffrey Godbey, «Busyness as Usual,» *Social Research* 72, no. 2 (2005): 407–426. Подробнее об этих исследованиях см. в главе 3.

ше, а больше. Хотя американцы все чаще жалуются на перегруженность работой, средняя продолжительность рабочей недели, согласно оценкам, с 1970-х по 2010-е гг. изменилась совсем незначительно. А общее количество времени, расходуемого на работу (как оплачиваемую, так и неоплачиваемую), остается более или менее стабильным на протяжении последних пятидесяти лет, составляя 500 минут в день или чуть более восьми часов⁸. К этому факту прибавляется то, что в среднем мы живем дольше, и потому в нашем распоряжении оказывается больше лет жизни – и это несоответствие между объективным и субъективным временем становится все более интригующим.

Противоречие между количеством свободного дискреционного времени, которым мы можем распоряжаться по своему усмотрению, и свойственным современным людям чувством измотанности получило известность как *парадокс нехватки времени*. В этой книге я рассмотрю некоторые из соответствующих мифов и заблуждений о нашем сверхскоростном обществе.

Приступая к изучению этой темы, важно осознать отсутствие единодушия по поводу того, что случилось с темпом нашей жизни. Отсылка к усредненным данным статистики

⁸ Цифра 500 минут остается в силе для развитых стран за весь период с 1961 по 2006 г. См.: Jonathan Gershuny and Kimberly Fisher, «Exploit and Industry: Why Work Time Will Not Disappear for Our Grandchildren» (paper presented at The Value of Time: Addressing Social Inequalities: 35th IATUR Conference on Time Use Research, Rio de Janeiro, Brazil, August 7–10, 2013).

не позволяет выявить серьезные и разнонаправленные изменения в том, что касается использования времени различными группами. Например, одновременно с ростом неравенства в плане доходов и продолжительности рабочего времени возрастает и неравномерность распределения свободного времени (хотя, как мы увидим, необязательно в том направлении, в каком можно было бы ожидать). В вопросе, сколько времени есть у человека и как оно распределяется, можно разобраться, лишь рассматривая эти показатели как функции соответствующих социальных и экономических процессов. Я покажу, что нехватка времени – отнюдь не феномен индивидуального существования; он связан с изменениями в составе семьи и гендерных взаимоотношениях, проходившими на протяжении последних десятилетий.

Более серьезным фактором, на данный момент ограничивающим плодотворность дискуссий, служит узкий акцент на *количестве* доступного времени. Это единственный аспект времени, который измеряется исследователями. Однако чтобы объяснить разрыв между так называемым объективным и субъективным временем, нам требуется более нюансированное понимание *качества* или характера времени. К дефициту времени нельзя подходить исключительно с точки зрения имеющегося количества времени. Восприятие и использование времени людьми определяются тем, какой смысл и значение они придают разным видам деятельности. Это находит популярное выражение в спросе на «качественное вре-

мя», проводимое с детьми. Не все виды деятельности выполняются в одном и том же темпе, да мы и не желаем этого. В результате возникает конфликт между различными темпоральными режимами, требующими согласования, что, в свою очередь, ведет к спешке. Свободное время может использоваться более интенсивно из-за насаждения привычки к одновременному выполнению нескольких дел (многозадачности) при работе с цифровыми устройствами.

Таким образом, измотанность – многогранный феномен. Нужно проводить различие между ощущением нехватки времени и различными механизмами, вызывающими это чувство. Ниже мы рассмотрим ту роль, которую эти многочисленные процессы играют в объяснении парадокса нехватки времени.

Структура книги

Все эти темы по очереди рассматриваются в нашей книге, структурированной следующим образом. В первой главе будет показано, в какой степени социальные теоретики связывают современное общество с процессами ускорения. Здесь мы увидим, что регулярно поднимающейся темой является сжатие пространства-времени, причем главный импульс к ее рассмотрению задают информационные и коммуникационные технологии. Существует даже мнение, что дигитализация порождает новые разновидности *вневременного времени* или *мгновенного времени*, не подчиняющегося линейной логике времени, отображаемого часами⁹. В этом отношении символична феноменальная скорость финансового трейдинга.

Но что означает ускорение и является ли оно определяющей чертой нашей эпохи? Я утверждаю, что отсутствие ясности по поводу этого понятия поддерживает веру в то, что более быстрые машины втягивают нас в более быструю жизнь.

Соответственно, я провожу различие между теми или

⁹ См.: Manuel Castells, *The Rise of the Network Society* (Oxford: Blackwell, 1996); Мануэль Кастельс, *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* (Москва: ГУ-ВШЭ, 2000); John Urry, *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century* (London: Routledge, 2000); Джон Урри, *Социология за пределами обществ: виды мобильности для столетия* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012). Подробнее эта тема рассматривается в главе 1.

иными видами ускорения, что делает возможным изучение связей между ними. Особый интерес у меня вызывает вопрос, как техника влияет на темп повседневной жизни, причем я ставлю под сомнение определяющую роль, приписываемую ей теориями сверхскоростного, сетевого общества. Вопреки решительным восторженным заявлениям различных кибергуру я полагаю, что изучение техники с социальной точки зрения позволит провести более глубокий анализ взаимоотношений между временем и машинами.

Разговоры об ускорении жизни имеют смысл лишь на подразумеваемом фоне медленного прошлого. Соответственно, в главе 2 дается необходимый исторический обзор. Согласно объяснению большинства социологов, присущее современным людям чувство времени сложилось в ходе коммодификации времени в эпоху индустриального капитализма. Применительно к эксплуатации рабочей силы экономия времени становится эквивалентом получения прибыли, что нашло выражение в знаменитом изречении Бенджамина Франклина «время – деньги». Эти аргументы имеют экономическую природу, заостряя внимание на том, каким образом часовое время становится временем как таковым и усваивается в качестве темпоральной дисциплины.

Однако так обстоит дело в городе, где скорость становится общим условием современной жизни, имея антитезой низкий темп сельской жизни. Примерно на рубеже XVIII–XIX вв. скорость начинает тесно отождествляться с поняти-

ем прогресса. В этот период появились такие важные технические новшества, как паровая машина, железные дороги, телеграф и телефон, диктовавшие людям новое понимание времени, пространства и своего окружения.

Эта глава во многом опирается на проведенный Георгом Зиммелем дальновидный анализ неоднозначных последствий ускорения темпа жизни в крупных городах. Мы покажем, что символическое значение и привлекательность скорости, характеризующие наш современный образ жизни, имеют давнюю родословную. Более того, читатель увидит, что идея о дефиците времени складывается под влиянием культурных ценностей, производства и потребления.

До сих пор я рассматривала феномен ускорения как характерный для общества в целом. Однако, как уже было указано, не все воспринимают время одним и тем же образом. В главе 3 мы углубимся в эмпирические данные с целью выявить различия между тем, как используют время разные социальные группы (которые отличаются друг от друга также и в плане их взаимоотношений с техникой, о чем пойдет речь в следующих главах). Например, очевидно, что нехватка времени намного острее воспринимается родителями-одиночками, чем бездетными парами, и что женщины, как правило, находятся в более сильной зависимости от времени, чем мужчины. Опираясь на опросы, посвященные использованию времени, – самый надежный из имеющихся у нас источников информации о распределении времени, я покажу,

как на стресс, связанный со временем, влияют модели работы, организация семейной жизни и выполнение родительских обязанностей. При этом будет выделен такой важный фактор, как сложность организации совместного времяпрепровождения с семьей и друзьями в рассинхронизированном обществе. Наконец, предыдущая глава приводит нас к идее престижности, окружающей напряженный образ жизни, откуда и возникает рефрен бесконечной спешки в некоторых слоях общества.

Далее мы перейдем непосредственно к той роли, которую играют цифровые технологии при формировании нашего восприятия времени. Какие темпоральные ритмы люди создают одновременно с новыми технологиями? И какое значение имеет то, что для наших повседневных социальных ситуаций и контактов во все большей степени характерны повсеместные всевозможные режимы подключенности? Этой теме посвящена остальная часть книги, причем особое внимание будет уделено «новым медиа», информационным и коммуникационным технологиям.

Темой главы 4 служит рабочее время. Мы изучим не только продолжительность рабочего дня, но и темп, интенсивность или то, что можно назвать темпоральной плотностью работы. Будут рассмотрены факты, свидетельствующие об интенсификации труда, и влияние информационных технологий, постоянно ощущаемое в различных профессиях и отраслях. Ключевыми причинами стресса на рабочем месте

традиционно считаются объем электронной переписки и постоянная подключенность, обеспечиваемая сотовыми телефонами. Офисная жизнь в наши дни отождествляется с информационной перегрузкой, постоянными помехами, многозадачностью и повышенными ожиданиями в отношении скорости ответа. Я ставлю под сомнение этот стереотипный образ работника, попавшего в плен к технике и неспособного контролировать свое время. Напротив, будет показано, что использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в работе и для решения вопросов личного характера имеет как положительные, так и отрицательные последствия для работающих мужчин и женщин. Согласно моей трактовке, современный офис становится частью вездесущего технolandшафта, что видоизменяет саму природу рабочего времени.

В главе 5 будет рассмотрено, каким образом семьи распределяют время для неоплачиваемого домашнего труда. Опросы, посвященные использованию времени, в целом демонстрируют наличие серьезных гендерных различий в плане объемов потраченного времени и видов выполняемой работы. Хотя отцы выполняют больше, а матери – меньше дел, чем прежде, более двух третей общего времени, выделяемого на неоплачиваемую работу, все равно приходится на женский труд. Способна ли техника решить эту проблему? Смогут ли цифровые дома будущего наконец избавить нас от утомительных и отнимающих массу времени семейных обязан-

ностей?

В этой же главе мы покажем, почему использование таких бытовых устройств, предназначенных для «экономии времени», как стиральные машины и микроволновые печи, дало столь поразительно ничтожные результаты в плане избавления людей от бремени домашнего труда. Выясняется, что влияние техники оказалось малосущественным в результате изменения ожиданий, связанных с заботой о детях, возникновения новых стандартов и задач, а также устойчивой связи домашнего труда с мужской и женской идентичностью. Наконец, мы изучим культурные фантазии в отношении умных домов и роботов-нянек и увидим, что они отражают в себе этос своих создателей.

Семейная сфера, будучи средоточием домашнего труда, связана с личными и интимными взаимоотношениями. Влияние коммуникационных технологий на эти процессы служит темой главы 6. Мы начнем ее с того, что опишем насыщение повседневной жизни медийными технологиями, включая одновременное использование всевозможных устройств. Далее я представлю некоторые итоги моих исследований, посвященных роли сотовых телефонов в сдвиге границ между домом и работой. Выясняется, что использование сотовой связи в первую очередь выполняет социальную функцию, причем большое значение при этом придается расширенным возможностям для микрокоординации времени выполнения сложных семейных дел. Как будет указа-

но, в этом качестве сотовые телефоны превратились в новый инструмент сближения людей.

В более широком плане я рассматриваю последствия использования технических устройств как посредников в социальных взаимоотношениях. Значение перехода от таких средств массовой коммуникации, как телевидение и радио, к индивидуализированным, частным контактам, обеспечиваемым при помощи персональных цифровых устройств, является спорным вопросом. В то время как одни авторы делают упор на новых свободах и расширении личной независимости, ставших возможными благодаря этим технологиям, другие предвещают в будущем мир постоянной подключенности при снижении ее осмысленности. В литературе сложилась ложная дихотомия прямых и опосредованных связей, противопоставляемых друг другу в качестве взаимных альтернатив. Я же, напротив, утверждаю, что нам надо задуматься над тем, каким образом связи и чувства находят воплощение в материальных объектах.

В последней главе рассматриваются некоторые возможные пути избавления от дефицита времени, например сокращение рабочего дня. Однако такие стратегии нуждаются в пересмотре по мере того, как портативные технические устройства размывают прежние четкие границы между «личным временем» и «рабочим временем». Мы снова видим, что те же самые устройства, которые вызывают у нас чувство измотанности, вместе с тем дают нам больше

свободного времени. Более того, я полагаю, что дигитализация провоцирует радикальное переосмысление традиционных дебатов о соотношении работы и личной жизни и их взаимоисключающем характере. Далее мы рассмотрим мнение о том, что ИКТ приводят к интенсификации потребления и досуга, то есть к явлениям, которые нередко описываются как культура мгновенности или немедленности. Я снова покажу, что в реальности дело обстоит намного сложнее: ускорение одних временных рамок компенсируется возникновением других, непредвиденных и более медленных. Взаимоотношения между техническими изменениями и темпоральностью носят диалектический, а не телеологический характер.

Культ скорости породил ряд движений за медленную жизнь, стремящихся изменить темп повседневной жизни. Образцом может служить «Медленное питание» – я разбираю как его привлекательные стороны, так и недостатки. В частности, я критически отношусь к идее о том, что отрицание высоких технологий может служить выходом. Напротив, по моему мнению, ИКТ делают возможными новые разнообразные темпоральности. Но появятся ли в нашем распоряжении такие технологии, которые наилучшим образом отвечают этому начинанию? Мы изучим, в какой степени люди, в частности инженеры из Кремниевой долины, путают инновации с эффективностью в узком смысле слова. От этого зависит, каким образом формулируются социальные про-

блемы, какие типы устройств создаются, и даже то, как мы воспринимаем самих себя. Пожалуй, наиболее прискорбным является тот факт, что наши представления о будущем во многом определяются идеей его непрерывного ускорения.

Заключение

На страницах этой книги мы рассмотрим многочисленные сложности и нюансы, структурирующие и диктующие различные способы взаимодействия людей с сетями времени, техники и повседневной жизни. Понятно, что не все одинаково вовлечены в ускоряющуюся динамику современности. Некоторые из этих нюансов будут иметь особое значение в ходе дальнейшего изложения, и соответственно мы внимательно рассмотрим ту роль, которую в разные эпохи играл гендер применительно к различным типам труда и изменяющимся моделям использования техники.

Акцент на взаимосвязи между скоростью, техникой и взаимоотношениями между работой и досугом неизбежно заставляет нас в первую очередь заниматься западными «переразвитыми» индустриальными экономиками. Кроме того, в центре внимания при этом окажутся люди, которые работают в этих экономиках. Более того, на протяжении всей книги я по возможности буду исходить из своих эмпирических исследований, проводившихся главным образом в трудовом пространстве различных англо-американских экономик. Но хотя из этой картины несколько выпадают безработные и жители глобального юга, многое из того, о чем пойдет речь, все же является частью глобальных и более общих социальных тенденций урбанизации и технологизации.

Я стремлюсь здесь вновь сделать технику предметом разговора о скорости и времени. Существуют многочисленные теории быстрого, мобильного капитализма, в центре внимания которых лежит техника, но лишь немногие из этих теорий исходят из реальных практик обращения со временем. В своей книге я намереваюсь преодолеть этот разрыв путем сочетания абстрактных социальных теорий о современности и ускорении с широким спектром эмпирических исследований. Это подразумевает в том числе и налаживание уникального диалога между несколькими направлениями социологической литературы, которые обычно дистанцируются друг от друга.

Только такая широкая дискуссия позволит нам изучить тезис об ускорении. В то время как экономические, технические, социоструктурные и культурные изменения, происходящие в современных обществах, беспрецедентным образом изменяют восприятие времени, в складывающейся картине присутствует не только ускорение. Если нам не хватает времени для работы, воспитания детей, общения с друзьями, досуга и общественной активности, виной тому не одни лишь машины – старые либо новые. Сама по себе техника не ведет ни к ускорению, ни к замедлению.

Однако в наш цифровой век паттерны коммуникации и межличностные контакты в большей степени осуществляются посредством широкого диапазона мультимодальных устройств и распределяются по нему. О какой бы сфере ни

шла речь, мы обитаем в окружении, насыщенном техникой, и нормой в этом окружении является постоянная подключение. Такие взаимосвязанные социоматериальные сети меняют темп и масштаб взаимодействий между людьми. Это наделяет темпоральность новыми смыслами и видоизменяет наши практики, связанные со временем. Предлагаемый здесь подход помогает увидеть бесконечное многообразие способов, посредством которых ритмы нашей жизни переплетаются с техникой.

Из этого анализа вытекают определенные политические последствия. Речь идет о том, что наши нынешние условия существования невозможно исправить при помощи техники. У нас не получится сесть на цифровую диету, отказаться от смартфонов и вернуться к природе, к чему призывают некоторые сторонники замедления. Не следует искать обещаний освобождения и в технологическом будущем, населенном социальными роботами. Эти культурные фантазии сами по себе отражают господствующий инженерный подход к экономии времени и управлению им. Наоборот, необходимо стремиться к тому, чтобы процесс технологических инноваций и разработки новых устройств отражал широкий спектр социальных реалий и проблем. Не следует думать, что цифровые устройства неизбежно подталкивают нас к жизни на бегу – их можно активно привлекать и использовать в качестве союзника в нашем стремлении к контролю над временем.

Может показаться, что время по своей природе эгалитарно в том смысле, что у каждого есть всего лишь 24 часа в сутках, 7 дней в неделе и 12 месяцев в году, и эта ситуация сохранится во все грядущие эпохи. Однако темпоральный суверенитет и достаточное количество свободного времени – важные показатели благосостояния. То, сколько времени у нас есть, служит как ключевым аспектом свободы и личной независимости, так и критерием равенства. Своей книгой я надеюсь внести вклад в понимание той роли, которую техника играет с точки зрения проживаемого нами времени.

Глава 1

Сверхскоростное общество.

Ускоряется ли темп нашей жизни?

Любая попытка осмыслить условия человеческого существования в начале нового столетия должна начинаться с анализа социального восприятия скорости.

Уильям Шеерман. Либеральная демократия и социальное ускорение времени

Относительная скорость общества издавна рассматривалась в качестве одной из его принципиальных характеристик. Многие изобретения, считающиеся ключевыми с точки зрения прогресса, – от колеса до микрочипа – имели своей целью ускорение тех или иных процессов. Тем не менее ускорение занимает особенно заметное место в диагнозах, которые ставятся нашей нынешней эпохе. Постоянно приходится слышать слова о сжатии пространства и времени, о том, что техника резко сократила временные и пространственные дистанции, а также о том, что экономические, социальные и культурные изменения протекают сейчас гораздо быстрее, чем прежде. Все словно бы происходит в неослабном темпе, внушая нам совершенно новое ощущение времени.

Согласно преобладающей точке зрения, мы живем в

сверхскоростном обществе, и это служит превосходным объяснением никогда не покидающего нас ощущения занятости. Наш век одержим скоростью: в нашу жизнь вторгаются все более быстрые автомобили, все более быстрые поезда, все более быстрые каналы связи и даже скоростные свидания. Скорость – это сексуально, а цифровые устройства неизменно навязываются нам в качестве эффективных, экономящих время приспособлений, способствующих возбуждающему образу жизни, насыщенному событиями. Нигде это не проявляется с большей очевидностью, чем в голосовом помощнике Siri для iPhone, позволяющем, согласно рекламе, «пользоваться голосом для того, чтобы отправлять сообщения, назначать встречи, делать телефонные звонки, и для многого другого», пока вы ведете машину или тренируетесь. Аналогичным образом занятым людям, вечно пребывающим в движении, предлагаются браслеты-самописцы, регистрирующие все – от пульса и фаз сна до перепадов настроения.

Наша одержимость тем, чтобы делать как можно больше вещей одновременно, служит симптомом лихорадочного темпа жизни. Пусть дорога, вымощенная желтым кирпичом, ведет через Googleplex, где под одной крышей собраны дома на деревьях, волейбольные площадки, пасеки и гигантские разноцветные резиновые мячи, но инженеры из изумрудного города Google говорят о необходимости проявлять в работе больше ловкости и упорства, чем они могли себе пред-

ставить. Несмотря на принципиальное значение скорости и синхронности, Google нанимает учителей дзена, чтобы они обучали сотрудников компании умению остановиться и сделать глубокий вдох. Согласно типичной мантре корпоративного руководителя, техника все быстрее толкает нас вперед и нам необходимо привыкать к новым способам работать «в мире, где вас окружают экраны, тексты, сотовые телефоны и информация»¹⁰.

Как и корпоративные руководители, большинство социологов считают главным источником ускорения технику. Широкое распространение получила идея о том, что дигитализация породила новую темпоральность, находящую выражение в таких понятиях, как «мгновенное время», «вневременное время», «сжатие времени-пространства», «пространственно-временное отчуждение», «хроноскопическое время», «пуантилистское время» и «сетевое время»¹¹. Раз-

¹⁰ Филипп Хильдебранд, вице-председатель *BlackRock*, утверждает, что он медитировал семь лет и что «в финансовом мире без этого нельзя» («Zen and the Art of Management», *Financial Times*, 17.09.2013).

¹¹ О понятии вневременного времени см.: Manuel Castells, *The Rise of the Network Society* (Oxford: Blackwell, 1996); Мануэль Кастельс, *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* (Москва: ГУ-ВШЭ, 2000); о понятии сжатия времени-пространства см.: David Harvey, *The Condition of Postmodernity* (Oxford: Blackwell, 1990); о понятии «пространственно-временное отчуждение» см.: Anthony Giddens, *The Consequences of Modernity* (Cambridge: Polity, 1990); о понятии мгновенного времени см.: John Urry, *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century* (London: Routledge, 2000); Джон Урри, *Социология за пределами обществ: виды мобильности для столетия* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012); о понятии хроноскопи-

даются даже призывы создать новую науку о скорости или, как окрестил ее Поль Вирильо, «дромологию». В основе всех этих концепций лежит представление о том, что жизнь ускоряется. Проблему скорости и реакции людей на скорость делают еще более злободневной, в частности, распространение коммуникационных технологий и их очевидный потенциал к дальнейшему повышению и без того высоких темпов современной жизни.

Но если ускорение является определяющей чертой нашей цифровой вселенной, то что именно это означает? Несмотря на громадное количество теорий, называющих современность эпохой исключительно высокой скорости, сама эта концепция остается смутной и расплывчатой. Проблему усугубляет склонность многих научных и популярных комментариев к спекулятивным гиперболам. А эта склонность, в свою очередь, усиливается в соответствии с той степенью, в которой повестка обсуждения будущего техники задается продавцами новой технической продукции.

ческого времени см.: Paul Virilio, *Speed and Politics: Second Edition* (New York: Semiotext[e], 1986); о понятии сетевого времени см.: Robert Hassan, *Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society* (Leiden: Brill Academic Publishers, 2009); о понятии пуантилистского времени см.: Michel Maffesoli, *L'instant eternal* (Paris: La Table Ronde, 2003). См. также: Helga Nowotny, *Time: The Modern and Postmodern Experience* (Cambridge: Polity, 2005) и различные работы Барбары Адам, включая: Barbara Adam, *Timewatch: The Social Analysis of Time* (Cambridge: Polity, 1995); Barbara Adam, «Reflexive Modernization Temporalized», *Theory, Culture & Society* 20, no. 2 (2003): 59–78; Barbara Adam, *Time* (Cambridge: Polity, 2004).

Поэтому мы начнем эту главу с того, что внесем ясность в риторику, чтобы разобраться во взаимоотношениях между технологическим ускорением и темпом жизни. Кроме того, мы дадим обзор самых влиятельных описаний сверхскоростного сетевого общества, что поможет нам выявить технологический детерминизм, неявно присущий таким теориям. Возможно, это является плачевным, но неизбежным следствием масштабов и размаха аргументации, приводимой авторами. Однако при этом остается в тени или упускается та степень, в которой «виртуальный мир» состоит из проводов, зданий и живых тел, а также тот факт, что реальные люди приобщаются к информационным и коммуникационным технологиям (ИКТ) и используют (или не используют) их в конкретном, локальном окружении. Мой подход противопоставляет эти тактики друг другу, подводя надежную опору под дискуссию о восприятии цифрового времени, его организации и согласовании в обычных повседневных ситуациях.

В дальнейшем я буду опираться главным образом на исследования науки и техники (STS), которые в течение уже какого-то времени призывают к более нюансированному пониманию влияния техники на время. Такой взгляд позволяет понять, что общество – это не только его техника, а техника – это не одни лишь устройства и механизмы. Иными словами, социальный мир нельзя свести к технике, составляющей его содержимое. При таком подходе роль техники отнюдь не

уменьшается – наоборот, она становится еще более значительной. Лишь учитывая социоматериальные практики, мы получаем возможность осознать весь размах взаимодействия между техникой и обществом.

Такой подход неизбежно ставит под сомнение всеохватное линейное постулирование всеобщего ускорения, указывая на существование более сложного темпорального структурирования наших ощущений. Он требует от нас задаваться вопросами, например, когда и где люди сталкиваются с ускорением (а также с замедлением) и как это сказывается на качестве нашей жизни.

Ускоряющееся общество

Хотя само по себе ускорение редко рассматривается в качестве ключевой темы социологического анализа, оно неизменно присутствует в теориях современного общества. Физики четко представляют себе, что такое скорость, но при описании того, как люди воспринимают время в сверхскоростном обществе, это понятие используется для обозначения самых разных явлений. Это создает дополнительную путаницу из-за того, что сжатие времени имеет много аспектов, и если одни стороны жизни ускоряются, другие не обязательно претерпевают ускорение и даже могут замедляться.

Заметным исключением является Хартмут Роза, подробно разбирающий, почему западные общества – это ускоряющиеся общества. Я считаю его определение и проводимое им различие между разными аспектами ускорения полезными и буду использовать их здесь¹².

Первой и наиболее измеримой разновидностью ускорения является ускорение транспорта, связи и производства, которое можно определить как *техническое ускорение*. Второй

¹² Хартмут Роза развивает тезис о том, что социальное ускорение является определяющей чертой позднего модерна и постмодерна в целом ряде впечатляющих публикаций, включая «Social Acceleration: Ethical and Political Consequences of a Desynchronized High-Speed Society», *Constellations* 10, no. 1 (2003): 3–33 (особ. см. p. 28); *Social Acceleration: A New Theory of Modernity* (New York: Columbia University Press, 2013).

является *ускорение социальных изменений*: речь идет о том, что ускоряется сам темп изменений, происходящих в обществе. Ключевая идея при этом состоит в том, что в позднемодерных обществах в целом снижается институциональная стабильность (например, в семейной и профессиональной сферах). Третьим процессом является *ускорение темпа жизни*. Этому явлению посвящены многочисленные дискуссии о культурном ускорении и предполагаемой необходимости замедления. Под темпом (социальной) жизни понимается скорость и сокращение разрыва между действиями и восприятием в повседневной жизни.

Самую большую загадку представляет собой вопрос, как эти три типа ускорения связаны друг с другом. Как отмечает Роза, налицо несомненный парадокс, относящийся к первому и третьему процессам. Если техническое ускорение означает, что нам нужно меньше времени (на производство, перемещения и т. д.), то из этого должно следовать увеличение количества свободного времени, что, в свою очередь, должно замедлять темп жизни. Однако вместо обилия времени мы как будто бы ощущаем его все большую нехватку. Соответственно, понятие «ускоряющееся общество» применимо к обществу только в том случае, если «техническое ускорение и рост нехватки времени (то есть ускорение „темпа жизни“) происходят одновременно»¹³. Изучение парадокса нехватки времени представляет собой главную цель нашей

¹³ Rosa, «Social Acceleration», 10.

книги.

Согласно этому определению, почти всякий обобщенный анализ современного общества можно рассматривать как вариант тезиса об ускоряющемся обществе. Иными словами, в рамках такого анализа проводится непосредственная, причинно-следственная связь между техническим ускорением, особенно скоростью работы систем электронной связи, и чувством измотанности, присущим повседневной жизни. Непрерывно подчеркивается тот факт, что наши социальные взаимодействия и на работе, и в свободное время все чаще осуществляются посредством технических устройств, что мы находимся в состоянии постоянной подключенности. Сейчас я хочу в первую очередь рассмотреть вопрос, как формулируется связь между скоростью технического развития и темпом жизни.

Существует обширная литература, посвященная тому, что принято называть сжатием времени-пространства. Согласно классической идее географа Дэвида Харви, этот процесс представляет собой суть модерна или, согласно некоторым формулировкам, постмодерна: «Я использую термин „сжатие“, потому что... для истории капитализма характерно ускорение темпа жизни, в то время как... пространство словно сжимается до размеров „глобальной деревни“»¹⁴.

¹⁴ Harvey, *The Condition of Postmodernity*, 240. См. также: Marshall McLuhan, *The Gutenberg Galaxy: The Making of the Typographic Man* (Toronto: University of Toronto Press, 1962); Маршалл Маклюэн, *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего* (Москва: Академический проект, 2005).

Ключевую роль в работе Харви, посвященной пространственно-временной динамике капитализма, играет идея об ускорении экономических процессов. По мнению Харви, движущими силами социального ускорения служат глобализация и инновации в сфере ИКТ, способствующие ускоренному обращению капитала в глобальных масштабах. В противоположность промышленному капитализму, требующему эксплуатации труда посредством четкого соблюдения табельного времени и таких фордистских пространственных моделей, как сборочный конвейер, *гибкое накопление* требует пересмотра нашего отношения ко времени. Харви отмечает, что общее ускорение времени обращения капитала подчеркивает волатильность и эфемерность товара и капитала. Быстрый капитализм уничтожает пространство и время. Расстояния, прежде препятствовавшие глобальной торговле, теряют смысл по мере того, как люди во все большей степени контактируют друг с другом, используя технологии «реального времени». Одновременно с тем, как в мире мгновенных и одновременных событий исчезает пространство, время выходит из-под контроля. Таким образом, ускорение отражается в значимых темпоральностях человеческого существования, в частности в усиливающемся ощущении сжатия пространства-времени в повседневной жизни.

Участники дискуссий об ускорении обычно ссылаются на анализ капитализма, проведенный Карлом Марксом, и на постоянную потребность в ускорении обращения капитала.

Чем быстрее деньги можно обратить в производство товаров и услуг, тем больше оказываются способности капитала к возрастанию и самовалоризации. При капитализме время в буквальном смысле становится деньгами, а «когда время – деньги, быстрее – значит лучше», то есть скорость становится бесспорным и неоспоримым благом¹⁵. При этом технические инновации играют ключевую роль в том смысле, что прогресс в сфере доставки сообщений, товаров и тел снижает издержки и время обращения капитала в глобальном масштабе (что Маркс называл «уничтожением пространства с помощью времени»). Однако Маркс не мог предвидеть масштабов, которые получит сжатие пространства-времени.

Достижения в области транспорта и связи уменьшили размеры земного шара: с конных повозок и парусных кораблей мы пересели на реактивные самолеты. После изобретения телеграфа в 1830-е гг. скорость доставки сообщений резко возросла по сравнению с предыдущими эпохами, превывсив скорость перевозки людей при помощи колес, парусов и пара. Благодаря телеграфу сообщение могло быть передано за ничтожную долю времени, требовавшуюся для его доставки физическим транспортом.

Электронные средства связи повысили эту скорость экспоненциально. Выражением этого роста служит скорость автоматизированных финансовых торгов, составляющая сейчас уже не миллисекунды, а микросекунды (миллионные до-

¹⁵ Adam, «Reflexive Modernization Temporalized», 67.

ли секунды). Это намного быстрее, чем время человеческой реакции, обычно составляющее около 140 миллисекунд в случае звукового сигнала до 200 миллисекунд в случае визуального сигнала. В этом контексте даже пятисекундная пауза может показаться почти вечностью¹⁶. Более того, благодаря экспоненциальному росту скорости передачи информации за последние сто лет данные можно передавать уже с усредненной скоростью 186 гигабит в секунду, что позволяет передать 2 млн гигабайт за один день¹⁷.

Наше восприятие времени принципиальным образом изменилось благодаря слиянию телефонной связи, вычислительной техники и широковежательных технологий в вездесущее окружение, для которого характерны моментальные и одновременные передача информации и связь. И потому неудивительно, что в условиях такой интенсивной фазы сжатия пространства-времени и соответствующего изменения нашего осознания времени многие социологи провозглашают наступление нового социального строя.

Как будет показано ниже, проблема заключается в том, что теории о социальном ускорении слишком схематичны для того, чтобы учесть многочисленные темпоральные пейзажи, как быстрые, так и медленные, которые порождаются к

¹⁶ Donald Mackenzie, «How to Make Money in Microseconds», *London Review of Books*, 19.05.2011, 16–18.

¹⁷ John Stephens, «World's Fastest Internet Speed: 186 Gbps Data Transfer Sets New Record», *Huffington Post*, 29.06.2012. http://www.huffingtonpost.com/2011/12/16/worlds-fastest-internet_n_1154065.html.

жизни цифровыми устройствами. Теоретики говорят только о «виртуальных» сетях и повсеместных вычислениях, которые подаются как безграничные нематериальные пространства и бесплотные мгновения. В результате осязаемые временные аспекты человеческой и социальной жизни выпадают из поля зрения как вещи «банальные, однообразные и тривиальные»¹⁸. Иными словами, повседневное время интерсубъективности, в котором реальные люди координируют свои временные практики в контексте реального мира, оказываются в совершенном забвении.

¹⁸ Carmen Leccardi, «Resisting „Acceleration Society“», *Constellations* 10, no. 1 (2003): 37.

Сетевое общество

Возможно, самым известным примером теорий такого рода служит работа Мануэля Кастельса «Становление сетевого общества». По его мнению, революция в сфере ИКТ положила начало новой информационной эпохе, сетевому обществу, в котором на смену труду и капиталу пришли информационные сети и знания. Информация является ключевым ингредиентом организаций, а потоки электронных сообщений и образов между сетями в наши дни составляют основу социальной структуры. Кастельс определяет это пространство потоков как техническую и организационную возможность на практике добиваться синхронности без смежности. Такие цепи стали играть основную роль при организации деятельности на отдельных местах, благодаря чему местоположение сетей и их взаимоотношения с другими сетями приобрели большее значение, чем свойства самих мест. В глазах Кастельса информационный век, в котором виртуальность становится принципиально важным аспектом нашей реальности, знаменует собой совершенно новую эпоху человеческого мировосприятия.

Для нас в данный момент наибольший интерес представляет аргумент Кастельса об исчезновении времени: утверждается, что мы все дальше отходим от часового времени индустриальной эпохи, когда время представляло собой ме-

тод демаркации и упорядочивания последовательностей событий¹⁹. Вместо этого, по мнению Кастельса, мир во все большей степени выстраивается в пространстве потоков – потоков товаров, людей, денег и информации по рассредоточенным и распределенным сетям. Сама скорость и интенсивность этих глобальных потоков, взаимодействий и сетей растворяют время, имея своими следствиями одновременность и мгновенную связь – то, что он называет *вневременным временем*. Возникнув на финансовых рынках, это новое вневременное время проникает во все сферы жизни. Неудивительно, указывает Кастельс, что жизнь превращается в бешеную гонку, когда люди разом решают множество задач и проживают множество жизней, посредством техники достигая «вневременного времени: социальной практики, направленной на отрицание последовательностей с целью внедрить нас в вечную одновременность и одновременную повсеместность»²⁰. Как гласит эта подлинно постмодернистская риторика, общество становится вечно эфемерным, по мере того как пространство и время претерпевают настолько радикальное сжатие, что по крайней мере последнее перестает существовать²¹.

¹⁹ Широкомасштабному анализу Мануэля Кастельса посвящены многочисленные критические комментарии. См., например: Frank Webster and Basil Dimitriou, eds., *Manuel Castells* (London: Sage, 2003).

²⁰ Manuel Castells, *The Rise of the Network Society*, 2nd ed. (Malden, MA: Blackwell, 2010), xii.

²¹ *Ibid.*, 467.

Идея сетевого общества, в котором ускорение ИКТ уничтожает время, приобрела чрезвычайную популярность. Например, Джон Урри, откликаясь на предложенную Кастельсом концепцию вневременного времени, утверждает, что новые технологии порождают новые разновидности *мгновенного времени*, для которого характерны непредсказуемые изменения и квантовая одновременность. В основе этого нового времени лежат непостижимо краткие мгновения, ускользающие от человеческого сознания, благодаря чему на смену линейной логике часового времени приходит одновременный характер социальных и технических взаимоотношений. Согласно Урри, мгновенное время также представляет собой метафору того всеобщего значения, которое получило исключительно краткосрочное и фрагментированное время.

Хотя подобные концепции времени действительно улавливают какие-то важные моменты, касающиеся той степени, в которой исключительно высокая скорость работы технических устройств преобразует экономику, финансовые рынки, политику и модели производства и потребления, намного менее ясно, что это ускорение означает в плане того, как мы воспринимаем проживаемое нами время. Правда, Урри включает в свойства мгновенного времени «ощущение того, что „ритм жизни“ во всем мире стал слишком высоким и вступает в противоречие со многими иными аспектами человеческого опыта²². Тональность его слов о мгно-

²² Urry, *Sociology Beyond Societies*, 129, 126; Урри, *Социология за пределами об-*

венном времени указывает на социальную деструктивность этого явления, но Урри не проводит систематических эмпирических исследований в поддержку своего утверждения. Остается лишь задаваться вопросом, какое значение время, измеряемое «скоростью, выходящей за пределы возможностей человеческого сознания», может иметь для людей и как оно конкретно соотносится с реальным использованием ИКТ в повседневной жизни.

Приведу лишь два небольших примера. Несомненно, проверить идею вневременного времени удобнее всего на высокоомобильных лицах свободных профессий, работающих по системе «горячих столов», поскольку их пространственно-временные практики должны претерпевать принципиальные изменения. Однако при тщательном изучении выясняется, что они не сталкиваются с исчезновением времени – наоборот, их жизнь проходит под знаком необходимости связи в пространстве и времени, поскольку они считают разговоры с глазу на глаз важнейшим способом коммуникации в организациях²³. В результате одной из основных задач асинхронных технологий (таких как голосовая и электронная почта) стала организация синхронной коммуникации. Аналогичным образом о значении «живых» социальных сетей свидетельствует факт географической кластериза-

ществ, 187, 183.

²³ Barry Brown and Kenton O'Hara, «Place as a Practical Concern of Mobile Workers», *Environment and Planning A* 35, no. 9 (2003): 1565–1587.

ции индустрии цифровых медиа в Лондоне и Нью-Йорке²⁴. В этом смысле локальное время едва ли было куда-то вытеснено. Согласно моим исследованиям, которые посвящены современному рабочему месту и результаты которых излагаются в главе 4, сетевые технологии действительно изменяют темп работы, но вместе с тем бесчисленные способы, которыми люди используют технику, едва ли можно назвать уничтожением времени.

Можно взять и такой крайний случай сжатия времени-пространства, как финансы. Даже в этой сфере мы не находим нематериального мира Кагельса, в котором время, место и живые люди вытеснены виртуальными информационными сетями. На самом деле финансовый рынок опирается на материальную основу, имеющую физическую, техническую и телесную природу. Центры финансовой торговли – большие помещения, потребляющие огромное количество электроэнергии, идущей на охлаждение быстродействующих компьютеров. В этих помещениях немногочисленный персонал теряется среди рядов бесконечных компьютерных серверов и цифровых переключателей и километров кабелей, соединяющих эти серверы с аналогичными устройствами во внешнем мире. По современным стандартам очень крупный центр по обработке данных может представлять собой здание площадью 500 тыс. квадратных футов, потребляющее

²⁴ Gina Neff, *Venture Labor: Work and the Burden of Risk in Innovation Industries* (Cambridge, MA: MIT Press, 2012).

50 мегаватт электроэнергии – такой мощности хватит, чтобы освещать небольшой город. Кроме того, с целью страховки от сбоев питания такие места оборудованы целыми батареями дизельных генераторов, выбрасывающих в воздух огромные объемы выхлопных газов. Эфемерный образ виртуальных данных, хранящихся в «облаке», опровергается грубой физической реальностью необходимой для этого инфраструктуры²⁵

²⁵ Центры обработки данных потребляют по всему миру около 30 млрд ватт электроэнергии, что примерно равно мощности тридцати атомных электростанций, причем 90 % этой энергии растрачивается впустую. См.: «Power, Pollution and the Internet», *New York Times*, 30.09.2012.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.